

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
Сидорина Владимира Витальевича,
кандидата философских наук
на диссертацию Шмелева Дениса Алексеевича
«Философия истории Александра Кожева
в контексте русской философской традиции»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата философских наук по научной по специальности
5.7.2. – История философии (философские науки)

Диссертация Д.А. Шмелева «Философия истории Александра Кожева в контексте русской философской традиции» состоит из двух глав, содержащих 9 параграфов, введения, заключения и списка литературы, насчитывающего 290 наименований.

Философия Александра Кожева достаточно часто привлекала внимание исследователей (а в последние годы можно говорить и о новом всплеске исследовательского интереса к этой фигуре) в силу ее вписанности в европейский философский контекст второй половины XX в. и влияния, оказанного на целый ряд европейских мыслителей. Особое место в этих исследованиях занимает проблематика генезиса творческой мысли А. Кожева, а внутри этого проблемного поля – влияние русской мысли на становление и развитие А. Кожева. В обосновании актуальности своей работы Д.А. Шмелев верно указывает, что в этом отношении в истории русской философии остается множество пробелов и лакун. При этом, учитывая объем этой проблематики и наличие в ней разнообразных аспектов, автор диссертации правомерно сужает свой исследовательский интерес до проблемы преемственности историософской концепции А. Кожева по отношению к русской философской традиции, выделяя следующие задачи своего исследования в качестве ключевых: реконструкция основных понятий философии истории Кожева, анализ влияния философии любви Вл.С. Соловьева на антропологию Кожева, установление логики преемственности между эсхатологией позднего Соловьева и идеей «конца истории», сравнительный анализ

историософских концепций К.Н. Леонтьева и Кожева, влияние М.А. Бакунина, сопоставление интерпретации гегелевской философии, данные И.А. Ильиным и Кожевым. Все эти обдуманые соображения и заданный контур исследования делают работу диссертанта не только актуальной в пространстве современной отечественной историко-философской науки, но и придают ей характер довольно очевидной научной новизны, делая исследование фактически первой попыткой масштабно и объемно соотнести философию истории Кожева с русской историософией (в частности, мыслью Соловьева, Леонтьева, Бакунина, Ильина). Задача тем более интересная и исследовательски амбициозная, что – как справедливо отмечает и сам автор, обобщая научную литературу по исследуемой теме (с. 62–63), – (1) чаще всего Кожев не соотносил себя напрямую с русской религиозной философией, хотя она является для него важным контекстом; (2) его отношение к русской религиозной философии отличалось сложным, двойственным характером – она была для него как определенной опорой, так и объектом критики и полемического отталкивания

Методологическая база традиционна для такого рода исследовательских работ – историко-философский анализ, историко-философская реконструкция, сравнительный анализ – и оправдана в контексте поставленных целей и задач. Стоит отметить широту и основательность источниковедческой базы, скрупулезную проработку вопроса о степени разработанности проблемы – судя по тексту исследования, Д.А. Шмелев замечательно владеет научно-исследовательской литературой по теме работы, а соответствующие части диссертации (введение, параграфы 1.2, 2.1, да и текст в целом) характеризуются в том числе и готовностью и профессиональной способностью автора к *критическим* обобщениям других исследовательских позиций.

Положения, выносимые на защиту, характеризуются научной новизной, теоретической и практической значимостью, а также представляют собой научные результаты, полученные с удачно найденной мерой соотношения обобщения и конкретности.

Первая глава исследования посвящена жизни и творчеству А. Кожева в разрезе его неизменного интереса к русской философской традиции и ее значимости для становления и развития философа. В первом параграфе излагаются

биографические аспекты исследуемой темы: автор раскрывает важнейший контекст творческого наследия Кожева – его становление как мыслителя на фоне культуры Серебряного века, бурных политических событий в России первых двух десятилетий XX в., связи с философскими кругами русской эмиграции, – справедливо уделяя особенное внимание диссертации Кожева о религиозной философии Владимира Соловьева, эрудиции мыслителя в вопросах истории отечественной философской мысли, его позиции о значимости соловьевской философии для русской религиозно-философской мысли и перспективах последней. Во втором параграфе автор обозревает и анализирует сложившийся в научно-исследовательской литературе образ (образы) А. Кожева, стремясь – как уже отмечалось – не просто к обзору имеющихся позиций, но к их обобщению (в том числе с критической точки зрения).

Третий и четвертый параграфы данной главы посвящены реконструкции и анализу ключевых понятий и основных линий, соответственно, ранней и поздней историософии А. Кожева. Здесь автор формулирует в том числе периодизацию историософии мыслителя (в зависимости от конкретно-исторической интерпретации им представления о «конце истории»). К сильным сторонам этой главы можно отнести и постоянно и удачно демонстрируемое автором связывание линий концептуального и биографического анализа, периодические переходы от одного к другому, неизменно выглядящие естественно и оправданно с точки зрения логики исследовательского вопрошания и повествования.

Вторая глава диссертации посвящена раскрытию важнейшей линии исследования – анализу (на конкретных примерах) «диалектического сосуществования» в отношении Кожева к русской философии определенного преемства и вместе с тем разрыва с этой традицией. Темой первых двух параграфов главы являются пересечения и расхождения между мыслью Соловьева и Кожева (философия любви первого и философская антропология второго, поздняя соловьевская эсхатология и размышления о «конце истории» русско-французского философа, соответственно). Автор достаточно убедительно критикует отождествление соловьевской «любви» и «желание признания» Кожева, устанавливая, вместе с тем, важнейшие линии, сближающие двух философов – различение природного и идеального начал, значимость другого, фундаментальную

взаимозависимость конца истории и торжества любви; приводит целый ряд обобщающих моментов, позволяющих говорить о концептуальных соприкосновениях эсхатологии Соловьева и историософии Кожева, отмечая, вместе с тем, и принципиальные отличия их позиций.

В третьем параграфе автор реконструирует созвучия философии К.Н. Леонтьева и историсофской мысли Кожева. Д.А. Шмелев выявляет целый ряд концептуальных параллелей между мыслителями: понимание антагонизма и неравенства как констант, упразднение агонального как предвестие конца истории, эгалитаризм постисторического общества и социально-антропологическую деградацию как его следствие, ощущение катастрофичности исторического времени и т.д. Вместе с тем, следует отметить, что далеко не все приводимые параллели (да и указанные выше сближения имеют, как кажется, достаточно распространенный для эпохи характер) выглядят в должной степени убедительными для возможного вывода о *прямом* влиянии Леонтьева на Кожева: например, автор довольно много места уделяет созвучиям в идее перехода к транснациональной Европе (и вообще перехода от национальных государств к наднациональным структурам) как тому, что предшествует концу времен: но этот мотив можно встретить у разных интеллектуалов рубежа XIX–XX вв., в том числе у того же Владимира Соловьева, для которого Соединенные штаты Европы в «Краткой повести об Антихристе» также оказываются знаком приближения конца истории.

В четвертом параграфе второй главы автор объемно рассматривает вопрос о возможном влиянии на построения Кожева мысли М.А. Бакунина, фиксируя как важные различия, так и определенные сходства (например, в роли негативности в историческом процессе и трактовке Гегеля с соответствующими акцентами, а также в антитеологизме, характере, глубинных основаниях атеизма обоих). С одной стороны, рассуждения автора здесь о сходствах и влиянии (как и в случае с Леонтьевым) могут произвести некоторое впечатление легкости, не позволяющей все-таки говорить о прямом влиянии, с другой – надо признать, что и сам автор достаточно осторожен и склонен все же говорить о влиянии, концептуальном родстве и т.д. в модусе возможности, признавая гипотетический характер своих

рассуждений, который, впрочем, совсем не делает их менее интересными (скорее, наоборот).

Пятый параграф главы посвящен вопросу о возможной преемственности (и ее степени) взгляда на гегелевскую философию А. Кожева и интерпретации, данной И.А. Ильиным. Автор достаточно подробно обрисовывает звучащую у целого ряда исследователей идею о том, что интерпретации гегелевской философии обоих мыслителей сближает влияние гуссерлианской феноменологии. Впрочем, следует отметить, что этот параграф автор больше выстраивает как внимательный (и этим, безусловно, ценный) обзор имеющихся точек зрения на данный вопрос и куда менее (чем в остальных частях диссертационного исследования) склонен к разворачиванию собственной позиции.

Стоит отметить, что рассматриваемая диссертационная работа отличается продуманной структурой, написана очень хорошим академическим – и вместе с тем довольно живым и увлекательным – языком; на протяжении всей работы автор постоянно стремится не ограничиваться описанием, обозрением заявленной проблематики, но действительно осуществляет ее анализ, не боится делать самостоятельные исследовательские выводы, высказывать предположения и гипотезы, подкрепляя все это собственными аргументами. К сильным сторонам работы можно отнести и определенную лаконичность (или, вернее говоря, своего рода экономичность) автора в разворачивании своего повествования: по большому счету в нем отсутствует столь часто наблюдаемая избыточность приводимой фактологии, дескриптивных линий, цитирования – это, несомненно, делает работу – как в отношении формы, так и содержания – насыщенной, выпуклой, увлекательной.

Вместе с тем, следует отметить и еще несколько недостатков.

1. В заявленной теме – философия истории Кожева в контексте русской философской традиции – конечно, невозможно не только обойтись без анализа влияния мысли Соловьева и ее значимости, но и не сделать ее одной из основных линий рассмотрения темы. Иными словами, эта линия, безусловно, однозначна и необходима. Однако совокупность остальных линий возможных влияний не выглядит самоочевидной. Иными словами, не совсем понятно, почему, например, в работе уделяется отдельный параграф И.А. Ильину, но нет отдельного

рассмотрения вопроса о влиянии Достоевского и – возможно – русского космизма (хотя автор и упоминает и то и другое). Безусловно, рассматриваемая тема широка, объемна – ее невозможно ухватить сколь-нибудь исчерпывающим образом в одном диссертационном исследовании, однако, возможно, это сужение вопроса о вероятных источниках влияния требовало бы отдельного – хотя бы краткого – обоснования.

2. При рассмотрении позиции А. Жубары Д.А. Шмелев совершенно справедливо и метко указывает, что ее подход фактически основывается на связи Кожева с русской религиозно-философской мыслью, а «атеистическая линия в рамках русской мысли остается за скобками» (с. 52). Однако все же остается вопрос, насколько включение в исследовательское рассмотрение *только* М.А. Бакунина раскрывает эти скобки в должной мере. Нельзя ли предположить и, соответственно, рассмотреть и иное влияние русской атеистической мысли – вопрос, возможно, тем более оправданный, учитывая коммунистические симпатии раннего Кожева.

3. В диссертации есть интереснейший момент, содержащий общие рассуждения автора о «манере работы» Кожева с русской философской мыслью – постоянно осуществляемой им своего рода инверсии – принятия в качестве исходной позиции базового содержания, установки, тезиса, но его последующем переворачивании. Автор кратко приводит и целый ряд примеров такого инверсивного обращения – например, с содержанием концепции богочеловечества, противопоставлением любви и истории и т.д. Эти рассуждения автора не только интересны, но и, очевидно, имеют важное значение для рассматриваемой темы – возможно, работа только выиграла бы в концептуальном (и композиционном) отношении, если бы автор посвятил более развернутому рассмотрению этого момента отдельный параграф первой главы.

Однако указанные недостатки никоим образом не снижают значимости полученных в исследовании Д.А. Шмелева результатов – скорее, намечают возможные направления дальнейшей научной работы в рамках данной темы. Диссертация Дениса Алексеевича Шмелева является законченным исследованием, в котором получены результаты, обладающие значимостью и новизной для научной специальности 5.7.2. – История философии (философские науки).

Результаты диссертации опубликованы в 5 научных работах (из них 4 – в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК для опубликования основных результатов диссертаций по научной специальности 5.7.2.).

Диссертационная работа Дениса Алексеевича Шмелева «Философия истории Александра Кожева в контексте русской философской традиции» соответствует требованиям действующего пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Шмелев Денис Алексеевич, заслуживает присуждение искомой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии (философские науки).

Официальный оппонент,
кандидат философских наук,
научный сотрудник, руководитель
сектора истории русской философии
Института философии РАН

В.В. Сидорин

Дата: «28» сентября 2026 г.

Подпись Сидорина В.В.
АВЕРЯЮ:
ав. отделом кадров Института
философии РАН В.В. Сидорин

Выражаю согласие на обработку персональных данных

Сведения об оппоненте:

Фамилия Имя Отчество: Сидорин Владимир Витальевич

Ученое звание, звание: кандидат философских наук

Специальность: 09.00.03. – История философии

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Должность: научный сотрудник, руководитель сектора истории русской философии

Телефон: +79154701423

Электронная почта: vlavitsidorin@yandex.ru

Сведения об организации:

Полное наименование: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Юридический адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр.1

Телефон: +7 (495) 697-91-09

Электронная почта: iph@iphtras.ru